

ДЕТИ ВОЙНЫ — ДЕТИ ПОБЕДЫ

Время неумолимо отодвигает нас от трагических и героических событий Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Кажется, еще так недавно советские солдаты - участники парада Победы — бросали к подножью Мавзолея В.И. Ленина немецкие знамена и штандарты поверженных дивизий вермахта, а ведь прошло без малого 70 лет с того памятного дня!

*Евгений Николаевич Решетников,
ветеран труда, пенсионер*

Когда вспоминаешь историко-героические события Великой Отечественной, то реально осознаешь, сколь величественен был подвиг страны Советов, ее воинов и тружеников тыла, отстоявших под руководством Коммунистической партии Советского Союза свободу и независимость

войны, то есть 22 июня, отправил нас (меня, маму и младшего брата, которому было три года) вместе с четырьмя другими семьями на открытой полуторке в Минск, но уйти от войны нам не удалось: Минск уже жестоко бомбили, он горел, и нас повернули на Москву. Но уже в Витебске наша машина сломалась, и мы осели в одной из деревень Сенненского района. Здесь я впервые увидел воздушный бой, в котором, к несчастью, немецкий «Мессер» вышел победите-

Давайте бороться за статус «Дети войны!»

нашей Родины и спасших народы Европы от кошмара коричневой чумы. К великому сожалению, непосредственных участников боевых действий и тех, кто ковал победу в тылу, становится с каждым годом все меньше и меньше. И вот уже возникают затруднения с тем, чтобы пригласить в день Победы или в юбилейную дату в школу, в вуз или на торжество воина-ветерана, который мог бы рассказать молодым людям, что и как было, что означает это страшное слово «война».

В этой связи не приходится сомневаться, что создание общероссийской общественной организации «Дети войны» — важный, своевременный и актуальный шаг для современного общества. «Дети войны» — это те мальчики и девочки, которым в страшном 41-м было не более тринадцати лет, но кто трудился наравне со взрослыми в тылу, оказывал помощь и содействие партизанам и подпольщикам, принимал участие в военных действиях в составе воинских подразделений под почетным званием «сын полка». Сегодняшний день настоятельно требует объединения этих оставшихся в живых детей от 1928 до 1945 годов рождения, поскольку именно эти люди перенесли все тяготы военного лихолетья. И сейчас они могли бы прийти на смену непосредственным участникам войны и внести свой вклад в патриотическое воспитание подрастающего поколения, продолжая таким образом традиции, заложенные нашими отцами и дедами, разоблачая всяческие вымыслы и наветы на наш народ и строй, Красную Армию и ее военачальников.

Скажу несколько слов о себе. В 1941 году мне было шесть лет. Мы жили в Западной Белоруссии, где отец работал секретарем Мядельского райкома партии Витебской области БССР. И хотя он уже в первый день

лем и хладнокровно стал расстреливать нашего летчика, выпрыгнувшего из горящего самолета с парашютом. Летчик сильно обгорел, селяне его лечили, хотя он был практически безнадежен...

Я помню, как над деревней кружили немецкие самолеты-разведчики, разбрасывавшие листовки на русском языке, в которых хвастливо прославлялись успехи фашистских войск, их якобы беспрепятственное продвижение к Москве. Листовки призывали население и красноармейцев не оказывать сопротивление немецким войскам, сдаваться в плен. Геббельсовская пропаганда трубила о том, что Германия несет народам Советского Союза свободу от «большевиков, евреев и красных комиссаров». Листовки кричали о том, как прекрасно организовано содержание тех, кто добровольно сдался в плен, как великолепно налажены их быт, питание и досуг. Все говорило о том, что лучше может быть только в раю. А как все это было на самом деле, вскоре я сам убедился. Уже первые эсэсовцы, вступившие в нашу деревню, доказали, что убить, сжечь или ограбить кого-то им ничего не стоит. По деревне шли настоящие головорезы, такие, каких показывают в военной хронике: с закатанными рукавами, с автоматами на груди.

В Минске, где у матери были родственники и куда нам удалось добраться в октябре 41-го, я увидел лагерь военнопленных, который находился в городском парке им. Челюскинцев. Это было ужасное зрелище: оборванные, голодные, исхудавшие люди, молившие прохожих о помощи. Но ничего передавать им было нельзя. За нарушение — расстрел.

В Минске нам долго задерживаться также было нельзя, ибо мы, как семья коммуниста, подлежали ликвидации. Расстрел или концлагерь грозил и тем, у кого нас

могли обнаружить. Поэтому мы перебрались в деревню под названием Новый двор в 15 километрах от города, где нас никто не знал. Здесь приют нам дала одинокая, пожилая и больная женщина, сказав при этом такие запомнившиеся мне слова: «Живите у меня. Мне бояться нечего, я свой век отжила. Если придут за вами, уйдем вместе».

И хотя у нас появилась крыша над головой, суровая зима 41-42 годов несла нам новые испытания: ни теплой одежды, ни еды у нас не было. Немощная женщина ничем помочь нам не могла. Пришлось собирать мерзлую картошку на бывшем колхозном поле и надеяться на подаяние людей. Чтобы не замерзнуть в нашем пристанище (оно было ветхим), мне ежедневно приходилось ходить в лес за хворостом, но все равно по утрам питьевая вода в ведре оказывалась замерзшей. Зимой мы все-таки пережили. Весной и летом нас спасали щавель, лесные ягоды и грибы. В семь лет я стал пасти корову пожилых соседей, за что имел ежедневно краюху хлеба и бутылку молока.

Пастушить пришлось еще два года. Осенью мы помогали селянам убирать картошку, выполнять другие сельхозработы. Так мы выкарабкались из тисков жестокого голода, но страх за свою жизнь висел над нами, как тот черный дым, что выходил из труб душегубки, расположенной в четырех километрах от нас, в концлагере «Тростянец», где фашистские изверги вместе с предателями-полицаями уничтожали военнопленных, евреев, партизан и всех сочувствовавших советской власти. Страх не покидал нас вплоть до самого дня освобождения города Минска — 3 июля 1944 года. Я никак не могу привыкнуть к переименованию нашей милиции в полицию, ибо слово «полицай» невольно ассоциируется у меня с фашистскими прихвостнями,

от деяний которых у меня до сих пор кровь стынет в жилах.

О судьбе своего отца мы узнали только после освобождения Белоруссии. Он, отступая вместе с частями Красной Армии, воевал под Москвой. Был отозван в Москву в Центральный штаб партизанского движения в Белоруссии. Прошел спецподготовку и был за брошен в Витебские леса, где партизанил в 42-43-х годах. В 1944 году он был направлен вновь в Западную Белоруссию на партийную работу. Там мы и воссоединились всей семьей.

Таково мое военное детство. О подобных судьбах детей повествует, в частности, книга «Дети и 41-й год. Что мы помним о войне? Что мы знаем о войне?» В ней собраны воспоминания бывших студентов биологического факультета МГУ им. Ломоносова о военных годах. Книга вышла в свет в 2010 году на средства авторов. На мой взгляд, эта книга представляет собой уникальный документ социального, художественного и исторического содержания. То, что она увидела свет (хотя и маленьким тиражом), заслуга выпускников биофака МГУ — доктора биологических наук, профессора О.А. Гомазкова и геоботаника этого же факультета С. Н. Посуваляк (Целиковой). Предисловие написал участник Великой Отечественной войны, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Н.С. Егоров.

Когда вспоминаешь или читаешь о пережитых военных годах, то невольно задумываешься: неужели мы и миллионы других, подобных нам, перенесших голод, холод, страх, лишения, по существу, семейного тепла и радости детства, не за служили того, чтобы государство определило нам официальный статус «Дети войны»? При желании можно, видимо, было бы поддержать нас и финансово. Больших денег здесь не потребуется. Хватило бы тех, которые мошеническим путем уведат сердюковы, скрынники, билаловы, нехтины и иже с ними, а всякие сванидзе, млечины, пивоваровы и прочие захлебываются в лживых извращениях исторических фактов с целью опорочить наше прошлое.

Уверен, что все, кто пережил прошлую войну в оккупации или в эвакуации, достойны получить статус «Дети войны» в законодательном порядке. Давайте бороться за это!

Владимир Фирсов

ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Памяти А. А. Коваленкова

Я помню сожженные села
И после победного дня
Пустую, холодную школу,
Где четверо, кроме меня.
Где нам одиноким учителем
Рассказывал про Сталинград...
Я помню
Поношенный китель
И пятна — следы от наград.
Он жил одиноко, при школе.
И в класс приходил налегке.
И медленно
Левой рукою
Слова
Выводил
На доске.
Мелок под рукою крошился.
Учитель не мог нам сказать,
Что заново с нами

Учился
Умению ровно писать.

Ему мы во всем подражали,
Таков был ребячий закон.
И пусть мы неровно писали.
Зато мы писали, как он.
Зато из рассказов недлинных

Под шорох осенней листвы
Мы знали
Про взятие Берлина
И про оборону Москвы.

В том самом году
сорок пятом
Он как-то однажды сказал:

— Любите Отчизну,
ребята. —
И вдаль, за окно, указал.

Дымок от землянок лулчился
Жестокой печально земли.
— Все это, ребята, Отчизна.
Ее мы в бою сберегли...

И слово заветное это
Я множество раз выводил.
И столько душевного света
Я в буквах его находил.
А после —
Поношенный китель
Я помню, как злую судьбу.
Лежал в нем
Мой первый учитель
В некрашеном светлом гробу.

Ушел, говорили, до срока,
Все беды теперь — позади.
Рука его так одиноко
Лежала на впалой груди!

И женщины громко рыдали.
И помню, как кто-то сказал:

— Медалей-то, бабы, медалей!
Ить он никогда не казал...

Могили землей закидали.
И после
В военкомат
Огромную пригоршню сдали
Достойных солдата наград.

Мой первый учитель!
Не вправде
Забывать о тебе никогда.
Пусть жил ты и умер —
не в славе,
Ты с нами идешь сквозь года.

Тебе я обязан тем кровным,
Тем чувством, что ровня судьбе.
И почерком этим неровным
Я тоже обязан тебе.

Тебе я обязан
Всем чистым,
Всем светлым,
Что есть на земле,
И думой о судьбах Отчизны,
Что нес ты на светлом челе!